

УДК 821.161.1
ББК 84(5Изр)
С79

ISBN 978-5-7516-1606-9

© Анна Степанская, 2020

© «Текст», 2020

*Нашим взрослым детям,
бывшим тогда маленькими:
Лёне, Косте, Максиму, Мишутке, Феде*

Пойми, что в твоих писаниях не может быть ни единой черты, которой не было бы в тебе самом. Если ты злой или пошлый, это не укроется от них. Если ты любишь, чтобы во время обеда за стулом у тебя стоял лакей, это скажется в твоих писаниях. Если ты брюзга и завистник, или не веришь в загробную жизнь, или низменно смотришь на женщин, — это скажется даже в твоих умолчаниях, даже в том, чего ты не напишешь. Нет такой уловки, такого приема, такого рецепта, чтобы скрыть от твоих писаний хоть какой-нибудь изъян твоего сердца.

У. Уитмен

ШКОЛА

Школа — учителя, ученики, родители — и еще что-то. Что? Идея, цель, ради которой она создана и существует. Последнее — главное. Я поняла это не сразу.

В моей жизни было три школы. Все три очень разные, как три разные жизни, три очень разные краски. Это не школы, в которых я училась или работала — тех гораздо больше. Три школы — в более широком смысле. Первая — где я была ученицей. Ей подошла бы светлая, солнечная краска. Вторая — где я стала учительницей. Эту я бы выкрасила двумя красками: безнадежно-темной и светлой. Темной было больше. И наконец, третья — которую я пыталась создать сама. Гораздо позднее, в совсем-совсем другой жизни. Здесь сплелось и перемешалось очень много красок, незаметно переходящих одна в другую, — и совершенно контрастных.

О первой школе, где я училась, мне уже случилось рассказать. Сейчас черед моей второй школы, куда я не только не стремилась, но от которой как могла уклонялась и пряталась, избегая почетной роли советского учителя.

Однако судьба нашла меня. Она дама суровая, и на печи, говорят, отыщет.

ДИРЕКТОР ВЕРНОВСКИЙ

Дорога от моего дома до Двадцать четвертой школы занимала не более двадцати минут. Идти можно было вдоль реки или по параллельным старым тенистым улицам. Погода стояла летняя. Я выходила заранее и шла медленно, размышляя и внутренне собираясь.

Доверенные мне четвертые классы учились во вторую смену, так что времени на подготовку к урокам у меня было достаточно. Одежду продумывала тщательно. Мне казалось особенно важным не появляться каждый день в одном и том же, и я сочиняла все новые и новые комбинации из довольно скудного своего запаса, разнообразя их импровизированными шарфиками или приколотым у ворота цветком.

Однажды уже на пороге перед выходом меня застала завернувшая случайно Лерка Беляева, образец элегантности для всего нашего факультета и умелая рукодельница. Лерка впечатлилась и, перевязав мой шарфик другим, более замысловатым узлом, пошла меня провожать, лепеча по дороге, что, если бы у нее в школе была такая учительница, она бы совсем иначе относилась к урокам русского языка и, возможно, закончила бы школу с золотой медалью. Она завидовала моим ученикам и говорила, что они просто обязаны это ценить.

Ученики ценили. Я видела это по их открытым заинтересованным лицам, по тому, как, вопреки опасениям, мне легко с ними в классе. Мы чувствовали взаимную радость при встрече и неподдельный интерес друг к другу. В учительский праздник, приходящийся на начало октября, дети завалили меня цветами, и с тех пор каждый день до самых холодов кто-нибудь обязательно приходил с букетом. Я вплетала эти цветы в ткань урока: мы описывали их по-разному: то с помощью одних существительных, обозначающих вызываемые ими чувства, то соревнуясь в подборе подходящих прилагательных, уточняющих цвет или форму, то придумывали предложения заданной конструкции.

После уроков я уносила цветы домой, и они жили там у меня на всех столах, на пианино, на полу — в моих разнообразных вазах из гутного стекла и всех имеющихся в доме банках, превращая квартиру в продолжение сада.

Отношение администрации школы и коллег в учительской являло прямой контраст и реалистично уравнивало слишком уж идиллическую картину начала моей педагогической карьеры. Собственно, эту настороженность и недоверие я почувствовала при первой же беседе с директором, состоявшейся в последние дни августа семьдесят девятого.

Попала я туда с подачи Анны Прокофьевны Пересветовой, завуча моей первой школы, знавшей меня как ученицу. Она недавно вышла пенсию, но, узнав, что в Двадцать четвертой — последнем месте ее работы — требуется учитель русского, позвонила директору и горячо меня порекомендовала. «Бери и не сомневайся, — сказала она ему, — очень грамотная девочка». И маме моей наказала: «Пусть идет не раздумывая. Там директор очень хороший. Умный мужик, он ее всему научит».

Такую же обнадеживающую характеристику моему будущему директору выдали мне и на кафедре лингвистики: «Верновский — это то, что надо», — сказала доцент Прокopenко, опытный и высокопрофессиональный методист.

Семен Абрамович Верновский директорствовал в школе второй год. До этого его продержали завучем до пятидесяти с лишним лет. Я пишу «продержали», потому что мужчины в школе — это вообще редкое явление, и их охотно продвигают. А такой, как Верновский — образованный, непьющий, с прекрасной речью, самолюбивый и амбициозный, — явление уникальное. Районное и городское начальство таланты его ценило и активно ими пользовалось. Все знали, что ответственные доклады и речи для всех для них пишет именно Верновский — но дальше завуча не пускали. Пятой графой не вышел.

И вот, наконец, доверили ему школу — большую, трудную, — должно быть, никто больше не согласился.

У школы до появления там нового директора была репутация бандитской. Рядом автовокзал, Петровская балка с ее сомнительным населением... Но в последние годы здесь выросли и новые районы, заселенные семьями военных, и последним совсем не улыбалось отпускать своих послушных, аккуратных детей в школу с сомнительной репутацией.

Верновский торжественно пообещал привести школу в порядок в течение одного учебного года при помощи системы Макаренко, и был высочайшим соизволением назначен директором. Обещание он выполнил, какой ценой — мне тогда не было известно. Как не известно, одобрил бы Макаренко такую трактовку его педагогических принципов или нет.

Школа, в которую я пришла для первой беседы, выглядела стандартно и вполне пристойно. Правда, ученики отсутствовали — догуливали каникулы.

Я не понравилась с первого взгляда. Это сразу стало понятно. Бодрый прямосидящий мужчина средних лет, привыкший нравиться женщинам, как-то сразу поскучнел при виде меня и попытался извлечь из вероятного будущего сотрудничества хоть какую-то пользу. Он сообщил мне, что в школе имеется кабинет русского языка, коим мне предстоит активно пользоваться.

— У нас учителя сами оформляют кабинеты, — добавил директор, внимательно меня разглядывая и уже мало на что надеясь. — У учительницы английского муж — начальник строительного управления. Зайдите, посмотрите, что они сделали. Я полагаю, вы сделаете не хуже.

— Мой муж — врач, — ответила я, не зная, как смягчить для него этот удар. — Он в своей жизни не забил ни одного гвоздя. У меня вряд ли получится, как у учительницы английского.

— У вас не будет классного руководства, — сказал директор резко и даже зло. — И полную ставку я вам тоже дать не смогу. Школе нужен театр. Вы организуете театр.

— Театр — это хорошо, — приободрилась я. — Театр я люблю.

— Это общественная нагрузка. Ведение кружков учителям не оплачивают, — мстительно завершил директор нашу ознакомительную беседу и на мой вопрос, когда выходить на работу, ответил, что он сам меня вызовет.

Но меня никто не вызвал ни на августовский педсовет, ни к первому сентября. Только в начале второй недели учебного года через Анну Прокофьевну опять передали, чтобы я пришла к директору.

Вторая наша беседа походила на первую только недовольной интонацией. О театре директор даже не вспомнил. Меня зачисляли на полную ставку с классным руководством. Три четвертых класса, вторая смена, шесть дней в неделю. Панна Николаевна введет в курс дела. Все.

Панна Николаевна легко и уверенно вошла в кабинет, поздоровалась со мной и переглянулась с директором, отчего он опять стал мужчиной, нравящимся женщинам.

— Не бойтесь, — сказала она мне в школьном коридоре, — классы хорошие, хоть и большие. Начинать в четвертых — милое дело. Посидите у меня на уроках сегодня и завтра, а в понедельник выходите.

Панна Николаевна сразу же сообщила мне, что родом она с Западной Украины, очевидно объясняя свое необычное имя, что муж — военный, теперь вот поступил в военную академию и уже уехал, а она задержалась. Верновский не отпускал, искал замену. Слава Богу, замена есть, и они с дочкой могут собираться и уезжать.

Уроки Панна вела так же уверенно и легко, как и шла по жизни. Я внимательно наблюдала, сидя за последней партой, как она входит в класс, набитый десятилетними малышами, как здоровается и спрашивает, кого сегодня нет, поручает двум послушным девочкам после школы навестить заболевших, вызывает кого-то к доске, задает вопросы, ставит оценки и объясняет новый материал. Как пренебрегает умеренными, не мешающими ей перегово-

рами учеников, пресекает шум, задает домашнее задание. Я замечаю, что сидящие рядом со мной далеко не всё успевают записать, и по выражению их лиц мне не удастся определить, понятно ли им различие между членами предложения и частями речи. Зато по лицу учительницы я вижу, что она все делает правильно, и страстно мечтаю когда-нибудь достичь ее совершенства.

Учебник Баранова и соавторов для четвертого класса, который я впервые держу в руках, мне нравится даже своим внешним видом. Он свеж и ярок, в отличие от затертого Крючкова, по которому в школе училась еще я, а может быть, и моя мама. Я нахожу интересные задания, и вопросы сформулированы как-то живо и лишены обычного школьного грамматического занудства.

СОВЕЩАНИЯ ПО СРЕДАМ

Классы мои «А», «В» и «Г» — не просто большие, а огромные: сорок восемь, сорок семь и сорок пять учеников. Сорок восемь было и в моем первом, когда я пошла в школу. Я думала, что теперь классы поменьше. Трудно запомнить все лица, все имена и фамилии.

Классное руководство — в четвертом «В». Но я пока не чувствую, что они мне ближе, чем другие. Ребята славные, все, и я постепенно осваиваюсь.

Через неделю перед дверью класса, в который я направлялась, с видом человека, понимающего больше, чем может позволить себе выразить, уже стояла завуч Светлана Васильевна и с нескрываемым удовольствием объявила, что собирается посетить мой урок.

Я только-только начала, только осваивалась с новой профессией, не была готова к проверке — а чем еще могло стать присутствие представителя администрации — и внутренне вся сжалась. Тем не менее урок провела и на разборе получила всего одно замечание: оказалось, что учеников по именам называть в классе не принято,

